

СТЕКЛО И БУЛАТ

СПЕКТАКЛЬ «Друзья и годы» в Театре драмы имени А. С. Пушкина поставлен и оформлен исключительно просто, скромно. Нет в нем ни вертящихся кругов, ни задника-экрана, ни кинопроекции, как в постановке предыдущей пьесы Леонида Зорина «По московскому времени». Художник А. Босулаев вообще отказывается от всяких декораций. Но подмостки не остаются и стилизованно обнаженными, актеры не движутся между воображаемыми предметами. На сцене — обыкновенная, бытовая мебель и реальные интерьеры на черном фоне. Такая же подчеркнутая простота и в музыкальном оформлении спектакля. В большинстве случаев появление музыки (композитор В. Пушков) сюжетно оправдано, ее источник — репродуктор или приемник — стоит тут же, на сцене. Режиссура (Л. Вишнев и В. Эренберг) тоже нигде не стремится к самовыражению и поистине «умирает в актерах».

Все это любителям спектаклей яркой театральности сначала может не понравиться. Но очень скоро вы приходите к выводу, что эта неприятная скромность постановки объясняется не бедностью художественной фантазии, а четким замыслом, последовательной режиссерской концепцией пьесы. Это историческая, психологическая драма о времени, о жизни, о людях. Произведение большое — и по размеру, и по охвату событий, и по теме. Пьеса — эпопея. Как Леонид Зорин намеренно отрекается здесь от стилизованной изобретности, чтобы яснее рассказать о своих героях, так и спектакль жертвует всем, чем может отвлечь внимание зрительного зала от актера.

В первой сцене герои пьесы пред-

стают перед нами в пору своей юности, на пороге жизни. Они размышляют о будущем. Что ждет их впереди, всех этих милых, славных ребят — смешного уральца Володю Платова, горячего, увлекающегося, мечтающего построить свой город (И. Горбачев); блестящего красавца Юрия Державина, беспечного, талантливое, щедро одаривающего друзей теплотой и беззаботным юмором (В. Медведев); молчаливого, серьезного, кроткого Гришу Костанецкого (В. Петров)? Как сложится их судьба? Что готовит им жизнь?

Финальная сцена спектакля разворачивается в 1961-м году — на той же аллее того же маленького провинциального городка. Между первой и последней картиной проходит 27 лет. Друзья снова размышляют о смысле жизни, о счастье. Но теперь они смотрят не вперед, а назад. Они оценивают прошлое, подводят жизненные итоги. Как трудно узнать этих людей! Неподвижное лицо, перечеркнутое застывшей гримасой безразличия, пустые глаза, расхлябанная походка — вот все, что осталось от дерзкого, яркого, искрящегося Державина первой сцены. А этот желчный, беспокойный, подозрительный ворчун — что общего в нем с прежним молчаливо-улыбчивым Гришей Костанецким? И только третий друг — Владимир Платов — удивительно мало изменился. Все такой же увлеченный, пылкий, молодой душевно и физически. А между тем его жизнь сложилась труднее, чем судьбы его друзей. Почему же он моложе и счастливее их? И почему они, посмеиваясь, все-таки завидуют ему? Ответы на эти вопросы надо искать в прошлом героев пьесы.

Их становление происходило в конце 30-х — начале 40-х годов, в сложное для нашей страны время. Связанные с культом личности безапелляционность суждений, догматизм и формальный подход к человеку породили приспособленчество.

На этот скользкий путь приспособленчества и беспринципности встал и Юрий Державин. В. Медведев тонко подчеркивает эволюцию образа. (Вообще исполнение роли Державина — большая победа, настоящая удача актера). Развитие этого характера в спектакле — история его постепенного осуждения. Державин утрачивает мало-помалу юмор, одаренность, обаяние, внимание к людям. Он становится самоуверенным, эгоцентричным. Державин — прокурор. Он обвиняет людей и часто из трусости позволяет себе грешить против истины. А чтобы не было стыдно, он заставляет себя верить в то, во что верить не хочется. Постепенно в нем вырабатывается иммунитет к плохому и хорошему — циничное равнодушие ко всему на свете и даже к самому себе. Старость духа приходит к Державину много раньше, чем старость физическая. «Для чего мы живем? — лениво спрашивает он себя. — Неужели только чтобы шагать по служебной лестнице? Иван Иванович назначили, Петра Петровича сняли...» И вот, оглядываясь на свое прошлое, Державин осознает, что прожил жизнь зря, что продал свой талант, что растерял душевные силы. Но он отгоняет от себя неприятные мысли. Его заключительная фраза сквозь зевок: «Прийти домой, снять эти кандалы, вытянуть ноги — наверное, это и есть счастье» — таков печальный результат жизни человека, вставшего на путь

приспособленчества и компромисса.

А что может сказать о своей жизни Григорий Костанецкий? Да ничего. Он всегда стремился стоять в стороне от всех событий, его жизненным принципом было «поменьше высовываться», он так же, как его жена Татьяна (Т. Алешина), не сделал «ни одного решительного шага, ни одного крутого поворота». Он умудрился прожить без стремлений, без идеалов, без надежд и даже без ошибок. Единственной его привязанностью был сын. Но, становясь взрослым, сын отворачивается от отца, отвергает его мораль. Вот почему доктор делается озлобленным и беспокойным. Артист В. Петров деликатно, без малейшей фальши демонстрирует этот перелом в характере Костанецкого.

Проиграла свою игру и Надежда (ее роль необыкновенно интересно — и по внешнему рисунку и по психологической правде — исполняет Л. Штыкан). В юности это была задорная, ершистая, забавная девочка, смешно влюбленная в Юрочку и потому решившая стать юристкой. Уже в это время, в начале спектакля, актриса подчеркивает в своей героине цепкость, энергичность, деловитость — качества совсем не плохие, если их направить на полезное дело. Но Надежда целиком попадает под влияние Державина, жадно глотает его проповеди. А потом роли меняются. Ученица вырастает и превращается в учительницу. Теперь она «вдохновляет» Державина. Она последовательнее и по-своему смелее его. Начав с буквы «я», она спокойно проходит через весь алфавит подлостей (не обходя вниманием и Державина) вплоть до буквы «я» — подлости по отношению к самой себе. Она выходит замуж за человека, которого ненавидит и презирает, над которым столько раз сама глумилась, за Куканова. (Роль этого тупого служаки сочными «масляни-

ми» красками живописует К. Калинин). Избранная Надеждой дорога откровенного цинизма не приводит ее к счастью. И ее карта бита.

А Владимир Платов, оглянувшись на промелькнувшие годы, может уверенно и гордо сказать: «Мне нравится моя жизнь!» Главным в образе Платова Горбачев делает его верность своим благородным жизненным принципам. Во всех обстоятельствах он остается самим собой. Актер не заигрывает со зрителем. Поначалу его герой раздражает своей болтливостью, шумностью, назойливостью. Но постепенно мы привыкаем к этому восторженному чудачу. Он влюблен в жизнь, любит людей и хочет делать им добро. Он не может мириться с несправедливостью, всегда «высовывается», лезет на рожон. Но Платов верит в торжество добра. Эта вера сопутствует ему даже в самые трудные периоды его жизни. Он не встает на путь приспособленчества, не изменяет своей прекрасной мечте, и он строит свой город Весенний. И пусть это не приносит ему ни славы, ни денег — он все равно счастливее и моложе своих друзей.

В спектакле нет наказанного порока и торжествующей добродетели. Однако драматург и режиссер ясно показывают, что благородство, принципиальность и человечность, воплощенные в образах Владимира Платова, генерала Поставничева (эту небольшую роль, как всегда с блестящей непринужденностью, исполняет Ю. Толубеев), прокурора Лялина (отличная работа Ю. Родионова), жены Платова Людмилы (хороший дебют выпускницы Ленинградского театрального института Е. Миллер), одерживают моральную победу над трусостью и приспособленчеством Державина и Надежды, над мешанской бескрылостью Григория, Татьяны.

Юрий, Григорий и Надежда — не жертвы времени. Эта мысль под-

черкнута в пьесе и в спектакле. Каждый сознательно сам выбирал свой путь, и каждый пришел к закономерному итогу. Их игра проиграна не только потому, что время наступило иное: утрата идеалов, беспринципность, трусость, эгоизм еще никогда не венчали подлинный успех, полное прочное счастье.

Финал спектакля как будто бы повторяет его начало. На той же скамье, где 27 лет назад говорили о будущем герои пьесы, сидят их дети — молодежь 60-х годов. Они тоже размышляют о том, что ждет их впереди. Но это только кажущееся повторение. Другая эпоха — другие судьбы. Сын Костанецкого Володя (его недаром зовут так же, как Платова) гневно обрушивается на жизненные нормы отца, Державина и с восторгом говорит про Платова: «Вот с ним бы я уехал!» Для Володи уже в 17 лет ясно, что единственно верный и единственно возможный жизненный путь — путь Платова, путь смелой правды и принципиальности. Обнявшись, ребята уходят вдаль, в жизнь. И мы понимаем: жизнь Володи сложится совсем не так, как судьба его отца. Таков оптимистический итог спектакля.

В пьесе и спектакле есть просчеты. Длинноты и затяжки в первых сценах, мелодраматизм образа Людмилы, нарочито связанный с роковой аварией. Но как в каждом своем герое Зорин из всех качеств выделяет главное, определяющее, так это определяющее важно и во всем спектакле. А оно в том, что это серьезный, правдивый спектакль о людях и времени, который утверждает: здоровые, жизнеспособные силы нашего общества всегда умеют противостоять любым трудностям. Эпиграфом к спектаклю «Друзья и годы» могли бы стать мудрые пушкинские слова: «Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат».

М. ЖЕЖЕЛЕНКО

Ленинградская правда
1962, 19 января